

КОЛОНКА

РЕПОРТАЖА

«Моя жизнь —
в музыке»

В городе, куда приезжаешь в командировку, тянет к музеям. Будучи в Баку совсем недавно, я пошел в Музей искусств. И, едва переступив порог старинного восточного здания, остановился: из строгих залов, словно открывая двери, плыла музыка. Грустно и чуть торжественно выводили скрипки, кому-то рассказывал о своей печали клавесин, красиво и звонко пел человек. А вокруг повсюду горели прожекторы, звучали знакомые кинокоманды, отбивала кадры хлопушка, на которой было выведено: «Возрождение».

Мы разговаривали с народным артистом Азербайджанской ССР Муслимом Магомаевым в зале XVI века. Это помогало — ведь беседа шла именно о том давнем времени, о старинной музыке, о композиторах эпохи Возрождения.

Картина скоро выйдет на экран, и мне думается, что многочисленные почитатели Магомаева получат еще один ответ на «традиционный» вопрос: кто же Магомаев, эстрадный или оперный певец?

Сам Муслим ответит так: «Я люблю музыку, и в ней вся моя жизнь».

Я хорошо запомнил один вечер, когда Магомаев, только что возвратившись из Франции, «прокручивал» запись последнего фестивального концерта в Каннах. Там проходил традиционный конкурс обладателей миллионных пластинок. Слушал я, как восторженно приветствовали Карела Готта, Лили Иванову, Мирей Матье, Тома Джонса... А потом выступал Магомаев. Когда ведущий объявил: «Ария Фигаро», зал, как-то весело недоумевая, ахнул. А через каких-нибудь полчаса Фигаро из далекого Баку вручали главный золотой приз. Знаете, что писали тогда во французском «Бюллетене МИДЕМ»: «Советский цирюльник вмиг подстриг всех звезд эстрады. В ком секрет: в Россини или Магомаеве? Браво, Магомаев!».

Не спорить о том — опера или эстрада для него главней — я собрался сейчас. Цель у меня другая — рассказать о некоторых сторонах его мастерства, его поистине грандиозной преданности музыке.

По сути дела, каждая его песня — страница его биографии. Он поет азербайджанские песни — на земле Азербайджана он родился, исполняет арию из оперы «Шах Исмаил» — ее написал его дед, тоже Муслим Магомаев, поет «Бухенвальдский набат» — за несколько дней до конца войны погиб его отец, веселый человек, художник Магомаев. И кому, как не сыну его Муслиму, отдать свой голос прекрасному делу — борьбе за мир.

Мне довелось слушать Муслима на его самом первом большом концерте перед Всемирным фестивалем молодежи в Хельсинки и на выпускном экзамене в Бакинской консерватории, я видел его «аншлаги» в Москве и Кишиневе, Ташкенте и Одессе.

И так уже второй десяток лет. А за это время была первая премия в Сопоте, был триумф в Канаде и новый успех во Франции. И мне думается, причина аншлагов в том, что каждый концерт, каждая ария или песня — это его жизнь, его душа и сердце.

Рано или поздно он должен был прийти к собственным сочинениям, — быть может, в знак фамильных традиций, а может, оттого, что мальчишкой, еще не начиная петь, он пробовал писать песни.

Теперь у него на счету много песен, одна из них — «Синяя вечность» названа в Польше в прошлом году лучшей. Да, Муслим Магомаев творчески разносторонняя личность: он интересно лепит и рисует, играет на рояле, пишет песни, снимается в кино. Были документальные ленты, сейчас — первый художественный фильм, полумузыкальный, полупуфантистичный, а играет Муслим самого себя, то есть певца.

О вечном — дружбе, любви, мире — его музыка. Она всегда с ним.

Леонид ГЕРЧИКОВ.